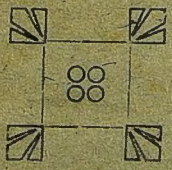
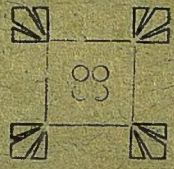
ОИК

ЗАПИСКИ ЖАНДАРМСКАГО ОФИЦЕРА



КОСТРОМСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.



Изданіе
Бр. С. В. и В. В. Лбовсинхъ.

Кострома. Тип. Бр. Лбовскихъ.

Ошк
17г.

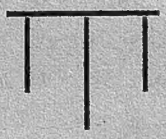
Кн. инст. Стр. все

Перепечатка воспрещается
Закон. 20 марта 1911 года.

КОСТРОМСКОЕ
Охранное Отдѣленіе.

—oooo—

(Записки жандармскаго офицера).



Изданіе Бр. С. В. и В. В. Лбовскихъ.

Кострома.
Тип. бр. Лбовскихъ.
1917 г.

2

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1185491

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМЫ.

съ 1914 года до переворота.

Въ декабрѣ 1913 года я получилъ назначеніе помощника Начальника Костромского Губернскаго жандармскаго управленія и, какъ сейчасъ помню въ сочельникъ Рождества Христова, т. е. 24 декабря, вмѣстѣ съ семьей пріѣхалъ въ Кострому. Петроградскій поѣздъ, по обыкновенію опоздалъ и мы прибыли, вмѣсто 4 часовъ дня, около 9 ч. вечера. Невзрачный и скудно освѣщенный вокзалъ производилъ прескверное впечатлѣніе и совсѣмъ не соотвѣтствовалъ губернскому городу. Когда на извощикахъ стали спускаться съ крутого вокзальнаго берега къ Волгѣ, видъ на противоположный городской берегъ и дорогу черезъ Волгу показался мнѣ удивительно красивымъ. Весь городъ на горѣ былъ залитъ свѣтомъ электрическихъ фонарей, которые рядами тянулись вдоль берега и перпендикулярно ему, а отъ вокзальнаго берега шла въ городъ широкая прямая доро-

га по льду, ярко освѣщнная, очень часто поставленными электрическими фонарями. Этотъ видъ немного скрадывалъ гнетущее впечатлѣніе глухого вокзала Ж. Д и напоминалъ, что это всетаки губернскій городъ и культурный центръ губерніи.

Самый городъ производилъ впечатлѣніе стараго русскаго города съ массой церквей старинной русской архитектуры.

Мы остановились въ гостинницѣ „Старый Дворъ".

На слѣдующее утро надо было идти являться начальнику управленія, а потому, выйдя на улицу, я увидѣлъ Кострому и при дневномъ свѣтѣ. Наша гостинница стояла на углу площади и главной улицы Костромы—Русиной, которая неизвѣстно почему называется „главной", такъ какъ абсолютно ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется среди другихъ улицъ, развѣ только тѣмъ, что по праздничнымъ днямъ въ первомъ кварталѣ на ней происходитъ гулянье—по просту безпорядочная толчея, не знающей куда дѣваться праздничной публики. Но что меня особенно поразило, такъ это профиль улицы, согласно которой мостовая была чуть ли не на сажень выше троттуаровъ, а потому, даже привыкшіе къ такимъ удобствамъ Костромскіе извощики, могли съ трудомъ подъѣзжать къ подъѣздамъ. Всѣ дома, по обыкновенію старыхъ приволжскихъ городовъ, были выкрашены бѣлой краской. Далѣе, на пло-

щади виднѣлся низкій, бѣлый же гостинный дворъ, а еще дальше площадь съ памятникомъ Сусанину. Площадь была окружена казенными зданіями: губернскимъ правленіемъ, окружнымъ судомъ, гауптвахтой и пожарнымъ депо съ каланчей, которую костромичи, почему-то прозвали Марьей Ивановной. Отъ этой площади правильными радіусами расходились остальныя улицы г. Костромы, прямыя, не особенно широкія, плохо мощенныя, застроенныя однообразными небольшими домами чередующимися съ доисторическими лачужками.

Проходя по этой площади, я поразился, увидѣвъ массу воронъ и галокъ, которыя не десятками тысячъ, а просто милліонами носились надъ городомъ. Такого явленія я нигдѣ не встрѣчалъ, а повидалъ на своемъ вѣку не мало большихъ и малыхъ русскихъ городовъ.

Жандармское управленіе находилось на Власьевской улицѣ рядомъ съ Богоявленскимъ монастыремъ и помѣщалось въ двухэтажномъ каменномъ домѣ, типа помѣщичьихъ особняковъ.

Но величественная наружность не соотвѣтствовала внутреннему устройству этого дома.

Весь нижній этажъ, занимаемый канцеляріей управленія, представлялъ изъ себя рядъ маленькихъ, низкихъ комнатъ, очень грязныхъ и плохо освѣщенныхъ, Верхній этажъ былъ занятъ частной квартирой начальника управленія полковника Семигановскаго.

Еще въ Петроградѣ, въ департаментѣ полиціи мнѣ сообщили нѣкоторую характеристику полковника Семигановскаго. Тамъ его недолюбливали, въ особенности Бѣлецкій и Виссаріоновъ и считали, хотя знающимъ и опытнымъ начальникомъ, но лѣнивымъ, а потому и бездѣятельнымъ. Ранѣе онъ былъ начальникомъ Саратовкаго управленія, но потерялъ это мѣсто, будто за упущенія по службѣ, главное же за прерѣканіе съ бывшимъ Саратовскимъ начальникомъ охраннаго отдѣленія полковникомъ Мартыновымъ и съ его покровителемъ вице-директоромъ департамента полиціи Виссаріоновымъ. Нѣкоторое время онъ оставался безъ мѣста, потомъ, какъ бы въ ссылку, былъ назначенъ въ Омскъ, но неуспѣлъ туда доѣхать, какъ былъ переведенъ въ Кострому. Мотивомъ этого назначенія, какъ мнѣ объяснили въ департаментѣ, было то обстоятельство, что Костромская губернія, по мнѣнію заправилъ департамента, занимала въ политическомъ движеніи, чуть-ли не послѣднее мѣсто. Въ такой губерніи и лѣнивый полковникъ Семигановскій, могъ свободно завѣдывать управленіемъ. Дальнѣйшее мое пребываніе въ Костромѣ убѣдило меня, что департаментъ полиціи въ своемъ взглядѣ на эту губернію, отчасти былъ правъ, а пока вернусь къ моему представленію начальнику управленія.

Послѣ доклада, ко мнѣ вышелъ очень высокаго роста, довольно пожилой, съ сѣдыми, коротко обстриженными волосами на головѣ и съ под-

стриженными же сѣдыми усами офицеръ съ орденомъ Владиміра и академическимъ значкомъ. Послѣ установленнаго представленія, Семигановскій въ очень корректной и сухой формѣ объяснилъ мнѣ, что онъ хлопоталъ о назначеніи ему опытнаго и знающаго дѣло помощника, такъ какъ онъ одинъ справиться съ дѣломъ не можетъ, адъютанты же часто смѣнялись, а потому, не зная губерніи и особенностей населенія, работали очень не продуктивно. Изъ послѣдующаго разговора я вынесъ впечатлѣніе, что Семигановскій умный и хитрый хохолъ, прекрасно освѣдомленный о томъ мнѣніи, какое составилось о немъ въ департаментѣ полиціи. Въ своей частной жизни онъ избѣгалъ касаться, но изъ недоговоренныхъ словъ и намековъ я понялъ, что пошелъ онъ въ корпусъ жандармовъ, какъ и многіе изъ насъ, вовсе не по убѣжденію, а просто потому, что жалованье жандармскаго офицера во много разъ превышало жалованье армейскаго.

Это нашло себѣ подтвержденіе въ томъ, что какъ только началась война, масса жандармскихъ офицеровъ подали рапорты о зачисленіи ихъ въ дѣйствующія войска, куда и были переведены. Когда же такой массовой уходъ принялъ эпидемическій характеръ, командиръ корпуса жандармовъ, боясь остаться безъ офицеровъ, приказомъ воспретилъ такіе переходы и жандармскіе офицеры волей не волей остались при прежней своей дѣятельности.

Семигановскій выслужилъ уже полную пенсію и если-бы не война, то получилъ бы генерала и ушелъ бы на покой.

Начальникъ управленія, не давалъ мнѣ никакого дѣла, посовѣтовалъ ознакомиться съ людьми, дѣлами, городомъ, населеніемъ и проч.

Первое мое знакомство началось съ личнымъ составомъ управленія.

Помощникомъ по Кинешемскому и Юрьевецкому уѣздамъ состоялъ ротмистръ Рыбальченко, который постоянно проживалъ въ г. Кинешмѣ и только изрѣдка наѣзжалъ для докладовъ начальнику управленія въ г. Кострому. Рыбальченко-кубанскій казакъ, по своимъ убѣжденіямъ и по дѣятельности, совершенно не подходилъ къ роли жандармскаго офицера. Абсолютно не признавалъ никакой секретной агентуры, говоря: „Съ такими мерзавцами я не умѣю и даже не желаю разговаривать". Кромѣ того по своей хохлацкой лѣни ничего не хотѣлъ дѣлать, а все свалилъ на своего вахмистра. Изъ за этой лѣни у него съ Семигановскимъ вѣчно происходили прерѣканія. Когда же началась война, Рыбальченко успѣлъ до приказа Джунковскаго зачислиться въ свой родной казачій полкъ и уйти въ дѣйствующую армію.

Адъютантомъ управленія въ это время былъ ротмистръ Веденяпинъ, который былъ полной противоположностью ротмистру Рыбальченко. Бывшій гусарскій офицеръ, еще очень молодой, онъ за все брался очень рьяно, дѣлалъ все съ налета,

очень часто необдуманно, а потому Семигановскому приходилось многое передѣлывать и исправлять. Эта стрѣмительность и необдуманность создавали непріятности и нареканія на Костромское жандармское управленіе и озлобленіе противъ ротмистра Веденяпина. Такимъ образомъ, среди костромичей о немъ составилось крайне нелестное мнѣніе, на самомъ же дѣлѣ, онъ былъ очень добрымъ, отзывчивымъ человѣкомъ, но крайнѣ безалабернымъ.

Въ составъ жандармскаго управленія входили еще: вахмистръ и 14 жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ четверо состояли при управленіи для дежурствъ, трое исполняли обязанности писарей, а семь человѣкъ были передѣты въ штатское платье и несли обязанности филеровъ. Впослѣдствіи, по приказу Джунковскаго—не употреблять жандармскихъ унтер-офицеровъ на должности филеровъ и въ штатское платье не переодѣвать, всѣ семь человѣкъ этихъ унтеръ-офицеровъ снова были одѣты въ военную форму и изъ нихъ: двое были посланы на жительство въ уѣздный городъ Ветлугу, одинъ въ Галичъ и одинъ на станцію „Мантурово“ Сѣверныхъ ж. д., троихъ же откомандировали на фронтъ.

Въ Кинешмѣ былъ свой отдѣльный штатъ унтеръ-офицеровъ при особомъ вахмистрѣ, изъ коихъ: одинъ жилъ въ селѣ Родникахъ при фабрикѣ Красильщиковыхъ, одинъ въ Вичугѣ, а остальные трое въ г. Кинешмѣ. Послѣ того, какъ

жандармы были переодѣты въ военную форму, по распоряженію департамента полиціи были наняты шесть вольнонаемныхъ филеровъ, изъ коихъ была одна женщина. Кромѣ того былъ нанятъ и справочникъ. Справочникъ этотъ, по фамиліи Баскаковъ, былъ нанятъ при исключительныхъ условіяхъ, о которыхъ мнѣ разсказалъ Семигановскій. Что—то за годъ до моего пріѣзда въ Кострому, секретаремъ санитарнаго отдѣла Губернскаго Земства состоялъ вышеупомянутый Баскаковъ и безвозмездно давалъ свѣдѣнія начальнику жандармскаго управленія о политическомъ движеніи среди земскихъ служащихъ. Однажды онъ далъ свѣдѣнія, что земская служащая нѣкая Уферъ должна была отвести въ уѣздъ нелегальную литературу. По неловкости уѣзднаго исправника стало извѣстно, что эти свѣдѣнія получены жандармскимъ управленіемъ отъ Баскакова. Конечно, послѣ этого онъ изъ земства былъ уволенъ и, лишившись мѣста, сталъ требовать отъ министерства внутреннихъ дѣлъ вознагражденія, такъ какъ лишился куска хлѣба по винѣ администраціи. Департаментъ полиціи просилъ костромского губернатора Стремоухова, пристроить Баскакова куда либо, но такъ какъ Стремоуховъ медлилъ съ исполненіемъ этой просьбы, то департаментъ полиціи предписалъ начальнику управленія устроить Баскакова и его приняли въ управленіе на жалованье филера, для исправленія обязанностей справочника.

Когда разразилась война, трое изъ наня-тыхъ филеровъ были взяты по мобилизаціи, такъ какъ эта служба не избавляла отъ отбыванія воинской повинности, Баскаковъ тоже ушелъ куда-то на лучшее оплачиваемое частное мѣсто и въ управленіи осталось всего три филера, изъ коихъ одна женщина. Дѣла для филеровъ было очень мало, такъ какъ, за малыми исключеніями, слежки никакой не было. Ознакомившись съ дѣлами управленія, я составилъ себѣ о Семигановскомъ совсѣмъ другое мнѣніе, чѣмъ то, которое существовало въ департаментѣ полиціи.

Семигановскій, по моему мнѣнію, не былъ лѣнтяемъ, онъ былъ человѣкомъ высокой честности, сухимъ, педантичнымъ, строгимъ формалистомъ. Отличительной его чертой—была непомѣрная скупость, которая проявлялась не только въ частной жизни, но и въ отношеніи казенныхъ денегъ. Онъ учитывалъ каждую копѣйку. Въ канцеляріи унтеръ-офицеры, свободные отъ службы, по его приказанію переворачивали старые конверты на чистую сторону и снова ихъ пускали въ обращеніе. Онъ поднималъ скандалъ изъ за каждаго лишняго пера, карандаша и листа бумаги.

Какъ юристъ по образованію, Семигановскій требовалъ въ дѣлахъ ясности и строго обоснованныхъ фактовъ, а потому терпѣть не могъ безцѣльной переписки, какъ продѣлывали это многіе начальники управленій для увеличенія исхо-

дящихъ бумагъ. Въ этомъ то и усматривалъ департаментъ полиціи лѣнь и бездѣятельность.

Знакомясь далѣе съ прошлыми дѣлами управленія и присматриваясь къ населенію я, какъ мнѣ казалось, усвоилъ правильный взглядъ на политическую жизнь губерніи.

Ее можно было въ этомъ смыслѣ раздѣлить на три части: сѣверные уѣзды, г.г. Кострома, Кинешма и южные уѣзды.

Сѣверные уѣзды: Буйскій, Галичскій, Кологривскій, Ветлужскій и Макарьевскій представляли собой наименѣе культурную часть губерніи, а потому и не проявляли никакого интереса къ политикѣ. Фабрикъ въ этой части губерніи совсѣмъ нѣтъ, не считая нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ. Крестьянское населеніе, въ большинствѣ уходило на заработки въ Петроградъ и Москву. Уѣздныя земства,—эти собирательныя культурныя единицы, погрязли въ будничной жизни и занимались политикой понемножку, т. е. постольку,—поскольку она служила развлеченіемъ въ сѣрой жизни русскаго захолустья.

Еще раньше, мнѣ приходилось слышать, что Костромская губернія является колыбелью дворянства. На самомъ же дѣлѣ, сколько мнѣ пришлось убѣдиться,—это чисто крестьянская губернія. Мѣстное дворянство никакой доминирующей роли въ губерніи не играло, такъ, какъ большой частью

было очень мелкопомѣстно и бѣдно. Было правда нѣсколько крупныхъ помѣщичьихъ владѣній, но онѣ были исключительно лѣсныя и служили только для эксплоататорскихъ цѣлей; владѣльцы ихъ жили постоянно въ столицахъ и иногда по 3 и 4 года не заглядывали въ свои владѣнія. Дворяне придерживались главнымъ образомъ, политики кармана, а уже потомъ позволяли себѣ роскошь принадлежать къ партіи к.-д. Вообще дворянство настолько было бѣдно своими представителями, что если не ошибаюсь, однимъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства былъ даже бывшій околодочный надзиратель Петрогр. полиціи.

Стремленіе къ прогрессу и политической жизни въ названныхъ уѣздахъ группировалось около кооперативныхъ единицъ. Въ этомъ смыслѣ выдѣлялся Ветлужскій союзъ кооперативовъ, который посылалъ своихъ делегатовъ въ Вологду на сѣверный съѣздъ дѣятелей кооперациі и старался завязать вообще связи, но и эти стремленія тормозились, не столько правительствомъ, какъ самими же участниками съ ихъ сѣростью и подозрительностью ко всякимъ новымъ начинаніямъ.

Въ Костромѣ имѣлись послѣдователи трехъ партій: Кадетской, С, Д. Рабочей и Соц. Револ, но я говорю только объ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ какъ партій и группъ въ Костромѣ, за исключе-

ніемъ чуть-чуть намѣченной группы партіи к. д., не было.

Къ кадетской группѣ принадлежала полностью губернская земская управа, отчасти городская управа и почти поголовно вся трудовая интиллигенція Костромы и многіе правительственные чиновники. Во главѣ этой группы стоялъ присяжный повѣренный Н. А. Огородниковъ.

Соціалъ-демократическое рабочее движеніе проявилось на трехъ костромскихъ текстильныхъ фабрикахъ: бывшей Кашина, братьевъ Зотовыхъ и Анонимнаго Общества, четвертаго болѣе или менѣе крупнаго завода Пло, я не буду касаться, такъ какъ рабочимъ элементомъ его были исключительно латыши, т. е. пришельцы съ своими собственными организаціями, ничего общаго съ русскими организаціями не имѣвшими. Еще до моего пріѣзда въ Кострому на этихъ трехъ фабрикахъ дѣлались попытки организовать с.-д. рабочія группы и ячейки, организаторами которыхъ были: Діаконовъ и Растопчинъ. Но и эти попытки были своевременно ликвидированы жандармскимъ управленіемъ и оба главаря движенія были присуждены къ административной высылкѣ. Діаконовъ предпочелъ, вмѣсто ссылки, уѣхать заграницу, а Растопчинъ былъ высланъ. Тогда рабочее движеніе временно затихло и въ Костромѣ остались только единичныя лица, придерживающіеся программы С. Д. Р. П. Всѣ же забастовки на Ко-

стромскихъ фабрикахъ были исключительно экономическаго характера.

Среди нефабричныхъ рабочихъ также дѣлались попытки сорганизоваться, какъ напримѣръ, союзъ печатниковъ и союзъ портныхъ. Первый успѣлъ сорганизоваться благодаря типографскимъ рабочимъ Кагановичу и Мааету, но и имъ стоило громаднаго труда удерживать, въ партійной дисциплинѣ непривыкшихъ и не умѣвшихъ объединяться нашихъ русскихъ рабочихъ. Союзу приходилось, чтобы не распаяться, поддерживать иногда, даже неорганизованные выпады рабочихъ отдѣльныхъ типографій. Какъ напримѣръ, конфликтъ рабочихъ типографіи Азерскаго со своимъ владѣльцемъ, въ силу указанныхъ условій, былъ поддержанъ союзомъ и разразился очень и очень непланомѣрной забастовкой печатниковъ, окончившейся очень неудачно и для союза и для всѣхъ рабочихъ печатнаго цѣха.

Забастовка сопровождалась насильственными эксцессами надъ рабочими другихъ типографій, нежелавшихъ присоединяться къ ихъ забастовкѣ, какъ напримѣръ:—въ типографіи Крылова забастовщики избили нѣкоторыхъ рабочихъ, и помяли завѣдующаго типографіей Альбицкаго. Вслѣдствіе этого, по предложенію губернатора, жандармское управленіе возбудило переписку по охранѣ, закончившуюся высылкой главарей союза: накладчика Кагановича и наборщика Мааста и зачин-

щика наборщика Симановскаго, а союзъ печатниковъ былъ закрытъ.

Союзъ портныхъ былъ почти исключительно еврейской организаціей, возникъ незадолго до переворота, преслѣдовалъ экономическія цѣли и ничѣмъ себя еще проявить не сумѣлъ. Союзъ фельдшеровъ ничѣмъ не проявлялъ своей дѣятельности и безъ субсидій земства не могъ существовать.

Соціалисты-революціонеры также не имѣли своей организаціи, а были очень немногія лица принадлежащія по своимъ убѣжденіямъ къ этой партіи группировались они около крупной кооперативной единицы „Центральнаго Сельско-Хозяйственнаго Общества", но чисто партійной дѣятельности не проявляли.

Хотя Кострома, при своемъ малочисленномъ населеніи и была переполнена учебными заведеніями, но серьезнаго политическаго движенія среди учащихся не было. Еще до моего пріѣзда въ Кострому, въ мѣстной семинаріи была попытка сорганизоваться и кромѣ экономическихъ, выставить, даже отчасти, политическія требованія, которыя потомъ свелись на нѣтъ и остались только однѣ экономическія.

Уже въ мою бытность въ Костромѣ, осенью 1915 года, изъ департамента полиціи съ надлежащимъ выговоромъ Семигановскому, пришла бумага, о томъ, что въ г. Костромѣ, въ земле-

мѣрномъ училищѣ, имѣется сорганизованная группа, которая завязала связи со всѣми россійскими землемѣрными училищами для выработки требованій политическаго характера, которыя будутъ представлены въ Государственную Думу, выбранными делегатами; при этомъ указывались фамиліи участниковъ группы и делегатовъ. Согласно полученной бумагѣ, Семигановскій долженъ былъ немедленно ликвидировать эту группу и по исполненіи донести департаменту полиціи.

Передъ тѣмъ, какъ принимать какія либо репрессивныя мѣры, вплоть до обысковъ и арестовъ указанныхъ въ бумагѣ учениковъ, я упросилъ Семигановскаго поручить мнѣ сначала разслѣдовать это дѣло, чтобы выяснить, имѣется ли здѣсь какая либо политическая подкладка. Дѣйствительно мнѣ представилось возможнымъ самымъ точнымъ образомъ установить, даже безъ секретнаго сотрудника, что всѣ землемѣрныя училища Россіи завязали между собой сношенія для выработки однородной петиціи на имя министра земледѣлія, о томъ, чтобы лицъ окончившихъ землемѣрное училище допускали бы въ сельскохозяйственный, лѣсной и еще не помню какіе институты, тотчасъ по окончаніи училища. Это движеніе землемѣровъ было вызвано циркуляромъ Чаплина, гласившемъ, что окончившіе землемѣрныя училища, въ возмѣщеніе расходовъ по безплатному образованію, должны были прослужить по 3 года на казенной службѣ землемѣрами.

Вслѣдствіе этого разслѣдованія и своевременнаго освѣщенія этого, въ сущности, невиннаго и совершенно справедливаго движенія, указанные въ департаментской бумагѣ ученики избѣжали крупныхъ непріятностей.

Въ южныхъ уѣздахъ: Юрьевецкомъ, Кинешемскомъ и Нерехтскомъ сосредоточены почти всѣ фабрики Костромской губерніи исключительно текстильнаго производства.

На этомъ небольшомъ пространствѣ работало до 150000 рабочихъ, а потому эта часть губерніи была и наиболѣе культурна и, конечно, болѣе революціонна. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить интересную особенность рабочихъ этого района: они представляли изъ себя отнюдь не чистый пролетаріатъ, потому что фабрики были разбросаны по деревнямъ и работали на нихъ мѣстные крестьяне, которые каждый день возвращались съ фабрики къ себѣ домой и вторую половину дня занимались обыкновенной крестьянской работой, такимъ образомъ они были наполовину фабричными рабочими, наполовину крестьянами—хлѣбопашцами. Рабочее движеніе не имѣло среди нихъ такого успѣха, какъ среди чистаго пролетаріата, ничѣмъ не привязаннаго къ данному мѣсту.

Это понимали, и такой образъ жизни своихъ рабочихъ усиленно поддерживали, наиболѣе культурные мѣстные фабриканты: Красильщиковъ и Коноваловъ, которые даже субсидировали такихъ

рабочихъ единовременными пособіями: деньгами, или строительными матеріалами.

Еще до моего пріѣзда въ Кострому на нѣкоторыхъ фабрикахъ дѣлались попытки организовать группы и ячейки съ программой с.—демократической партіи, но таковыя, не долго просуществовавъ, или ликвидировались жандармскимъ управленіемъ, или сами распадались, когда лишались своихъ руководителей, которыхъ фабричныя администраціи, подъ разными предлогами, старались уволить съ своей фабрики, а во время войны нѣкоторые организаторы ушли по мобилизаціи въ дѣйствующую армію. Изъ такихъ организаторовъ мнѣ были извѣстны рабочіе Середского района: Орѣховъ, Тирановъ и Барабановъ, рабочіе фабрики Красильщикова—Зайцевъ и рабочіе Вичугскаго района: Чернышевъ и Кудряшевъ. Ввиду такой несорганизованности, всѣ, даже экономическія забастовки на фабрикахъ этого района, хотя и были часты, но не отличались устойчивостью и, по большей части, заканчивались пораженіемъ рабочихъ. Изъ забастовокъ, которыя отличались своей длительностью и закончились побѣдой рабочихъ, можно отмѣтить забастовку рабочихъ на фабрикѣ Павлова въ Середѣ, проведенную рабочимъ Барабановымъ, за что онъ отъ рабочихъ получилъ часы, съ выгравированной благодарственной надписью, и забастовку на фабрикѣ Горбуновыхъ въ той же Середѣ, прове-

денную рабочимъ Орѣховымъ. Забастовка же рабочихъ фабрики Красильщикова въ селѣ Родникахъ, хотя и тянулась около 21 дня и была организована и проводилась членомъ Государственной Думы соціалъ-демократомъ Шаговымъ, бывшимъ ткачемъ этой же фабрики, но закончилась пораженіемъ рабочихъ, такъ какъ послѣ расчета, многихъ не приняли обратно на фабрику, а остальнымъ дали только небольшую прибавку.

Всѣ эти забастовки носили исключительно экономическій характеръ.

Кострома и Кинешма не играли ни какой роли въ политическомъ движеніи въ этомъ районѣ, тутъ сказывалась близость Иваново-Вознесенска, этого русскаго Манчестера, съ настоящимъ рабочимъ пролетаріатомъ, а не нашими наполовину рабочими, наполовину крестьянами. Въ Иваново Вознесенскѣ дѣйствительно существовала настоящая С. Д. Р. организація, но и тамъ объединеніе и политическое движеніе шло, что то неладно.

Вспоминаю случай характеризующій это движеніе въ Иваново-Вознесенскѣ.

Секретный сотрудникъ изъ Вичуги сообщилъ жандармскому управленію, что въ г. Иваново Вознесенскѣ, кажется въ іюнѣ мѣсяцѣ 1916 года, должна была состояться областная конференція Р. С. Д. Р. партіи, Для устройства связи, отъ крупныхъ фабричныхъ пунктовъ Костромской губерніи были приглашены делегаты. Въ это время въ

Вичугскомъ районѣ и въ Родникахъ существовали, что то въ родѣ рабочихъ ячеекъ, къ слову сказать, довольно жалкихъ. Отъ этихъ ячеекъ поѣхали двое делегатовъ, если не ошибаюсь, отъ Вичуги-Киселевъ и отъ Родниковъ-Щегловъ. Конференція состоялась, костромскіе же делегаты на нее почему то, не попали, вѣроятно опоздали, но никакого толчка рабочему движенію она не дала.

Въ бытность мою въ Иваново-Вознесенскѣ, я разговорился съ мѣстнымъ жандармскимъ офицеромъ ротмистромъ Лызловымъ и онъ, возмущаясь, разсказалъ мнѣ подробности созыва этой конференціи и ея засѣданій. Какъ онъ, такъ и я пришли къ заключенію, что эта конференція, должна была быть организована пріѣхавшимъ секретнымъ сотрудникомъ начальника московскаго охраннаго отдѣленія полковника Мартынова, для какихъ то нужныхъ только ему цѣлей, такъ какъ въ политическомъ движеніи рабочихъ Иваново-Вознесенска она никакой роли не сыграла.

Изъ текущихъ дѣлъ управленія я засталъ дѣло о депутатѣ Государственной Думы Шаговѣ. Для полнаго освѣдомленія, за нимъ было организовано какъ агентурное, такъ и филерское наблюденіе. Для осуществленія перваго, былъ пріобрѣтенъ секретный сотрудникъ изъ близкихъ друзей Шагова, который самымъ подробнымъ образомъ сообщалъ управленію о посѣщеніяхъ и разговорахъ Шагова и его личной перепискѣ. Жан-

дармское управленіе своевременно было освѣдомлено о присланномъ Петровскимъ Иванову сообщеніи Вандервельде, по вопросу о войнѣ и приглашеніи Шагова на роковую для него конференцію около Петрограда.

Для провѣрки свѣдѣній сотрудника, въ Родники и въ Вичугу были командированы филеры, которые неотлучно слѣдили за каждымъ шагомъ Шагова при чемъ сопровождали его также и въ Иваново-Вознесенскъ, куда Шаговъ ѣздилъ на свиданіе съ членомъ Думы Самойловымъ. Но даже и такого наблюденія мѣстному губернатору Стремоухову показалось мало, и онъ учредилъ уже совершенно явный надзоръ за Шаговымъ, черезъ урядниковъ и стражниковъ, которые при разъѣздахъ его всегда сопровождали, даже въ конномъ строю. Мнѣ передавали, что Шагова это сначало бѣсило, а потомъ онъ, какъ будто, привыкъ къ такой почетной охранѣ и даже иронизировалъ говоря: —„Вотъ охраняютъ, лучше чѣмъ губернатора!". Вообще въ этомъ явномъ надзорѣ было много комическаго.

Самъ Шаговъ, по своему складу и развитію особеннымъ ничѣмъ не выдѣлялся.

Изъ разсказовъ сотрудника припоминаю слѣдующій случай. Послѣ окончанія забастовки на фабрикѣ Красильщикова рабочіе, проявившіе наибольшее упорство въ продолженіи забастовки, не были приняты обратно на фабрику. Тогда они обратились къ руководителю бывшей забастовки

Шагову съ просьбой, посодѣйствовать имъ для поступленія на другую фабрику. Шаговъ естественно обратился съ ходатайствомъ за уволенныхъ къ своему товарищу по Думѣ—Коновалову, владѣльцу двухъ громадныхъ фабрикъ въ Вичугѣ.

Коноваловъ обѣщалъ принять всѣхъ уволенныхъ на свои фабрики. Когда же обнадеженные рабочіе обратились въ фабричную контору, то всѣмъ имъ было отказано, а въ спискахъ фамиліи ихъ были подчеркнуты краснымъ карандашомъ, т. е. сдѣлано совершенно обратное тому, что было обѣщано Шагову. Когда Шаговъ поѣхалъ на вышеупомянутую конференцію, его до Петрограда сопровождали наши костромскіе филеры, гдѣ онъ былъ переданъ подъ наблюденіе филеровъ петроградскаго охраннаго одѣленія. Эта конференція, какъ извѣсто, закончилась для Шагова трагически, такъ какъ онъ, въ числѣ другихъ членовъ рабочей фракціи Государственной Думы, былъ арестованъ, судимъ и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

За мое пребываніе въ г. Костромѣ, въ жандармскомъ управленіи не возникло ни одного серьезнаго дѣла. Было нѣсколько дознаній по 103 статьѣ Уголовнаго Уложенія, т. е. за оскорбленіе государя. Изъ переписокъ по охранѣ вспоминаю переписку о группѣ рабочихъ, называвшей себя группой самообразованія, на самомъ же дѣлѣ, это была фабричная ячейка, организованная

студентомъ московскаго университета Жуковымъ. Вся группа, выданная двумя секретными сотрудниками, была установлена филерскимъ наблюденіемъ и послѣ массовки, устроенной Жуковымъ за рѣкой Костромкой, была арестована. Жуковъ, Рѣшетовъ и еще одинъ рабочій, фамилію котораго не помню, были высланы изъ предѣловъ Костромской губерніи.

При допросѣ участниковъ этой группы выяснилось не товарищеское отношеніе ихъ къ своему интеллигентному руководителю, такъ какъ почти всѣ, всю вину свалили на Жукова, который поэтому и пострадалъ больше другихъ, увеличеніемъ срока высылки.

За исключеніемъ этого дѣла, никакого планомѣрнаго филерскаго наблюденія въ г. Костромѣ не было. Правда, иногда филеровъ ставили за отдѣльными лицами, для провѣрки ихъ образа жизни, или за пріѣзжими, извѣстными своей революціонной дѣятельностью, какъ напримѣръ, за С. С. Даниловымъ. Новлянскимъ, пріѣзжавшимъ изъ Уфы Семеновымъ и друг. Никого изъ нихъ я не видалъ кромѣ Данилова, котораго одинъ разъ видѣлъ въ управленіи, куда его вызвалъ Семигановскій, но о чемъ онъ съ нимъ говорилъ и для чего его вызывалъ, Семигановскій мнѣ не сказалъ.

Изъ уѣздныхъ дѣлъ, при мнѣ было возбуждено дѣло о группѣ рабочихъ Середского района: Орѣховѣ, Тирановѣ, Барабановѣ и Жуковѣ. Переписка окончилась ничѣмъ, такъ какъ полковникъ Семигановскій, самъ же возбудившій ее, прекратилъ ее за отсутствіемъ данныхъ для ея продолженія. Всѣ эти лица сначала были арестованы, а такъ какъ при явномъ арестѣ, ввиду особаго вліянія Орѣхова на рабочихъ, могли выйти крупныя столкновенія, арестъ ихъ произошелъ тайно, поздно ночью. Чтобы обмануть рабочихъ, ихъ повезли не по желѣзной дорогѣ, а на лошадяхъ въ г. Плесъ, а оттуда уже на пароходѣ въ г. Кострому, въ губернскую тюрьму.

Послѣ освобожденія Орѣховъ нѣсколько измѣнилъ свои демагогическіе пріемы съ рабочими, пользуясь своимъ вліяніемъ и авторитетомъ, даже удерживалъ массы отъ нѣкоторыхъ несообразныхъ выступленій, какъ то: отъ погромовъ торговцевъ, разграбленія своего же продовольственнаго лабаза и проч.

Вспоминаю одинъ случай, по поводу котораго мнѣ пришлось съѣздить въ деревню Дурлятино, на фабрику братьевъ Малаховыхъ; фабрика эта, почему то болѣе мѣсяца бастовала и, не смотря на прибавку, рабочіе ни за что не хотѣли стать на работу. Пріѣхавши туда и переговоривши съ нѣкоторыми вліятельными рабочими, я узналъ, что рабочіе ни за какія процентныя прибивки не хо-

тятъ работать, а требуютъ поденной платы, хотя бы даже по расчету и меньшей, чѣмъ имъ давалось процентными прибавками. Мотивомъ такого требованія была увѣренность рабочихъ, что администрація фабрики ихъ обманываетъ. По ихъ разсказамъ, будто-бы мастеръ въ шлихтовальной машинѣ переставлялъ шестерню, вслѣдствіе чего рабочіе вырабатывали будто бы лишнее количество аршинъ ткани.

Пройдя на фабрику и осмотрѣвши шлихтовальную машину, я дѣйствительно убѣдился, что можно произвольно измѣнять отмѣтки числа аршинъ; а потому, посовѣтовавъ мастеру быть поаккуратнѣе, я, зная психологію нашихъ рабочихъ, посовѣтовалъ и имъ въ свою очередь, тайно отъ администраціи провѣрить количество аршинъ сработанныхъ каждымъ ткачемъ за день, оставляя по одной ниткѣ основы у себя въ карманѣ, а уже дома перемѣрять эту нитку. Послѣдовали ли моему совѣту, или нѣтъ—не знаю, но фабрика на другой день пошла и кажется идетъ по настоящее время.

На фабрикѣ Горбуновыхъ въ селѣ Середѣ до описываемаго времени, рабочіе мюльнаго отдѣленія получали плату отъ пуда вырабатываемой пряжи, а такъ какъ вычислять количество пудовъ каждый разъ было затруднительно, то было высчитано сколько пудовъ пряжи вырабатываютъ 20 машинъ чесальнаго отдѣленія, изъ котораго пря-

жа поступала въ мольное отдѣленіе. Что то года 4 тому назадъ, въ чесальное отдѣленіе поставили еще одну машину, рабочимъ же продолжали платить по старому расчету за 20 машинъ.

По указанію ранѣе упоминаемаго рабочаго Орѣхова, старшій фабричный инспекторъ Плаксицкій и полковникъ Семигановскій провѣрили это и заставили Горбуновыхъ уплатить восмерымъ рабочимъ единовременно около 4000 рублей.

Въ связи съ недостаткомъ продуктовъ и предметовъ первой необходимости и все возростающей дороговизной начались протесты среди рабочихъ и крестьянъ. Протесты эти выливались въ разнообразныя формы, да и для проявленія ихъ пользовались разными благовидными предлогами.

Вспоминаю случай повлекшій за собой кровавое столкновеніе съ человѣческими жертвами. Я не былъ свидѣтелемъ этого столкновенія, такъ какъ въ это время былъ командированъ въ г. Кинешму и село Родники для разслѣдованія продовольственныхъ волненій.

Послѣ московскаго погрома нѣмецкихъ магазиновъ, въ жандармское управленіе отъ секретныхъ сотрудниковъ стали поступать свѣдѣнія, что и среди Костромскихъ рабочихъ начали распространяться тенденціи погрома крупныхъ мукомольныхъ фирмъ Чумакова и Аристова, а также и другихъ магазиновъ. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ не на политической подкладкѣ, а потому и не под-

лежащія разработкѣ жандармскаго управленія, своевременно сообщались мѣстному губернатору.

25 Іюля 1915 года рабочіе фабрики Кашин а бросили работу и прошли къ Зотовской фабрикѣ гдѣ сняли также рабочихъ съ работы и, соединившись въ тысячную толпу, направились къ центру города подъ предлогомъ просить губернатора упорядочить продовольственный вопросъ.

По распоряженію губернатора Мякинина навстрѣчу рабочимъ была отправлена команда полицейскихъ стражниковъ въ числѣ 50 человѣкъ, которые и преградили толпѣ доступъ къ центру города.

Прибывшій къ мѣсту безпорядковъ губернаторъ пытался самъ уговорить рабочихъ мирно разойтись по домамъ, но попытка его, къ сожалѣнію, успѣха не имѣла, такъ какъ рабочіе не только не стали его слушать, но даже осыпали его бранью и угрозами.

Послѣ отъѣзда Мякинина и полиціймейстера, командующимъ полицейскимъ нарядомъ остался помощникъ полиціймейстера Красовскій, который, къ слову сказать, былъ хотя и очень самонадѣяннымъ, но далеко не опытнымъ чиновникомъ. Между прочимъ, для усмиренія безпорядковъ губернаторъ потребовалъ роту солдатъ, которая была отправлена въ фабричный районъ и расположилась недалеко отъ толпы, но не имѣя на то никакого распоряженія, такъ до конца и остава-

лась пассивной зрительницей всего происходившаго. Когда рабочіе всетаки стали пытаться пройти въ городъ, стражники пошли на нихъ въ атаку съ нагайками. Толпа, подъ натискомъ стражниковъ разбѣгалась, но тотъ часъ же снова собиралась. Рабочіе повалили телеграфные столбы и части заборовъ, опутали такую баррикаду телефонной, сорванной проволокой и въ стоявшую полицію полетѣли камни. Въ этотъ моментъ Красовскій рѣшился на поступокъ, котораго ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало допускать и который имѣлъ гибельныя послѣдствія. Онъ выхватилъ револьверъ и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ толпу. Озлобленные рабочіе отвѣтили градомъ камней, которые тутъ же выворачивались изъ мостовой. Тогда стражники, уже безъ команды дали залпъ съ коней, поверхъ головъ. Видя безрезультатность залпа, рабочіе бросились перелезать черезъ импровизированную барикаду и, напирая на стражниковъ, стали осыпать ихъ камнями, которыми были ранены многіе стражники и ихъ лошади. Послѣ этого стражники спѣшившись дали два залпа уже прямо по толпѣ. Толпа разбѣжалась, а на мѣстѣ оказалось нѣсколько человѣкъ убитыми и тяжело-ранеными. Многіе легко раненые частью ушли сами, частью были унесены товарищами. Убитые были перевезены въ первую полицейскую часть, куда на другой день собралась опять толпа рабочихъ, требовавшая выдачи тѣлъ убитыхъ для погребенія, но такъ какъ имѣ-

лись свѣдѣнія, что изъ похоронъ убитыхъ, рабочіе хотѣли устроить грандіозную демонстрацію, тѣла не были выданы, и только на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, подъ наблюденіемъ полиціи, убитые были похоронены. Событіе это вызвало запросъ въ Государственной Думѣ, слѣдствіемъ чего состоялся переводъ Мякинина, взявшаго всю вину на себя, въ другую губернію. Красовскій же былъ переведенъ помощникомъ исправника въ одинъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Костромской губерніи.

Изъ цѣлаго ряда протестовъ припоминаю еще случай. Въ селѣ Радникахъ Юрьевецкаго уѣзда, на волостномъ сходѣ, собранномъ для выработки вопроса по подпискѣ на военный заемъ, была вынесена слѣдующая резолюція: „На заемъ не подписываться, такъ какъ деньгами этими будутъ распоряжаться люди, которымъ народъ не довѣряетъ; а такъ какъ война ведется по настоянію капиталистовъ, которыхъ она обогащаетъ, то требовать заключенія мира, а потому солдатъ не давать.“ По сообщенію уѣздной полиціи, иниціаторомъ этой резолюціи будто бы былъ, присутствовавшій на сходѣ инструкторъ Кинешемскаго союза кооперативовъ Савченко, за что онъ былъ впослѣдствіи арестованъ и о его дѣйствіяхъ возбуждена переписка по охранѣ.

Въ послѣднее время передъ переворотомъ бывали случаи, когда уѣздные исправники, растерявшись отъ массы донесеній становыхъ приста-

вовъ и урядниковъ о вынесенныхъ волостными и сельскими сходами разныхъ требованій и рѣшеній, съ перепугу уже во всякой рѣчи на собраніяхъ подозрѣвали злой умыселъ. По такому донесенію Юрьевецкаго исправника мнѣ пришлось ѣхать въ г. Юрьевецъ.

Исправникъ донесъ губернатору Хозикову, что на какомъ-то продовольственномъ собраніи, уже не помню на какомъ, уѣздный земскій агрономъ Чехомовъ произнесъ рѣчь, въ которой порицалъ дѣйствія предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ и призывалъ къ сверженію существующаго государственнаго строя. Ввиду такого донесенія, Хозиковъ распорядился уволить Чехомова съ мѣста. Узнавъ объ этомъ предсѣдатель Юрьевецкой земской управы сталъ хлопотать за Чехомова, а самъ Чехомовъ лично былъ у Хозикова и доказывалъ, что ничего подобнаго онъ въ своей рѣчи не говорилъ. Хозиковъ попросилъ Семигановскаго послать меня въ Юрьевецъ и тамъ провѣрить донесеніе исправника.

Опросивши нѣкоторыхъ свидѣтелей и самого Чехомова я пришелъ къ убѣжденію, что самъ Чехомовъ—очень нужный въ данное время для Юрьевецкой земской управы человѣкъ. Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей агронома, на него была возложена самая трудная въ это время обязанность завѣдующаго продовольствіемъ. Этому дѣлу онъ отдавался всей душой, а потому раздраженный препятствіями и нападками кружка

обывателей г. Юрьевца, настроенныхъ лично противъ него, онъ въ своей рѣчи дѣйствительно сказалъ, что до тѣхъ поръ пока во главѣ правительства стоятъ Штюрмеръ, Протопоповъ и К⁰, ничего путнаго сдѣлать нельзя.

Въ такомъ видѣ весь инцидентъ былъ мною представленъ Семигановскому, а онъ сообщилъ объ этомъ Хозикову. Какъ поступилъ Хозиковъ съ Чехомовымъ я уже не знаю.

Припоминаю еще случай растерянности полиціи за послѣднее время.

На одномъ изъ какихъ то торжествъ на фабрикѣ большой кинешемской мануфактуры, кажется по случаю открытія больницы, послѣ всякихъ официальныхъ рѣчей, въ квартирѣ директора фабрики Липинскаго состоялся обѣдъ.

На этотъ обѣдъ были приглашены, кромѣ своихъ служащихъ, нѣкоторые видные общественные дѣятели г. Кинешмы, а также и исправникъ. Въ разговорѣ будто-бы кто то спросилъ присутствовавшаго на обѣдѣ прапорщика, фамилію котораго не помню, но знаю, что онъ наблюдалъ за Кинешемскими химическими заводами, работающими на оборону, что если въ Россіи поднимутся революціонныя волненія, какъ будутъ дѣйствовать войска, если ихъ пошлютъ усмирять? На что прапорщикъ будто-бы отвѣтилъ, что во всякомъ слу-

чаѣ стрѣлять не будутъ. Въ такомъ видѣ исправникъ донесъ губернатору Хозикову, а Хозиковъ, даже не провѣривши донесенія, сообщилъ объ этомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое въ свою очередь сообщило въ военное министерство, а послѣднее предписало вышеуказанному прапорщику дать свои объясненія. Среди всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ естественно возникъ вопросъ о доносчикѣ.

Тогда прапорщикъ отобралъ отъ всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ росписки подтверждавшія, что такихъ словъ онъ не говорилъ. Исправникъ, растерявшись, далъ такую же росписку, но потомъ спохватился и подъ предлогомъ исправить что то въ текстѣ, отобралъ ее и дать другую отказался.

Возникъ конфликтъ не только между исправникомъ и прапорщикомъ, но и между исправникомъ, хозяиномъ дома Липинскимъ и всѣми присутствовавшими на обѣдѣ.

Одновременно съ все возраставшей неурядицей и растерянностью предержащихъ властей престижъ царскаго имени сталъ неудержимо падать не только среди интеллигенціи, но даже и среди крестьянства, гдѣ до этого времени онъ стоялъ очень высоко Поведеніе бывшихъ государя и государыни, изъ за слуховъ о Распутинѣ, не

только критиковалось, но даже возбуждало возмущеніе и негодованіе.

Тенденціи 1905 года, когда крестьяне свое тяжелое положеніе ставили въ вину не государю, а окружающимъ его лицамъ, теперь исчезли и во всѣхъ неурядицахъ винили уже прямо государя и особенно государыню. А потому Протопоповъ со своей хозяйственной разрухой и Распутинъ, скомпрометировавшій престижъ царствовавшаго дома подготовили плодотворную почву для государственнаго переворота.

При помощи хорошаго освѣдомителя, который по обязанностямъ своей службы, объѣздилъ всю губернію и все время имѣлъ сношенія съ крестьянской массой всѣ эти свѣдѣнія, во всѣхъ подробностяхъ поступали въ жандармское управленіе, а потомъ сообщались директору департамента полиціи для доклада министру внутреннихъ дѣлъ. Должно быть не одно только Костромское жандармское управленіе, но и многія другія посылали такія же донесенія, но наши министры не внимали этимъ предостерегающимъ голосамъ, а продолжали свою прежнюю политику. Всѣ циркуляры и предписанія министерства внутреннихъ дѣлъ за послѣднее время были настолько неумѣстны и нецѣлесообразны, что Семигановскій приказывалъ ихъ только подшивать къ дѣламъ, такъ какъ исполнять ихъ, не потерявши совсѣмъ голову, было невозможно. Долженъ упомянуть, что во

время войны въ Костромской губерніи изъ за дороговизны и недостатка продуктовъ и предметовъ первой необходимости усиленно развилось кооперативное движеніе.

Кромѣ такихъ крупныхъ кооперативныхъ единицъ, какъ Центральное сельско-хозяйственное общество въ г. Костромѣ и Союзъ кооперативовъ въ г. Кинешмѣ, организовались кооперативы не только въ фабричныхъ пунктахъ, но и почти во всѣхъ селахъ, въ видѣ потребительскихъ обществъ.

Согласно многочисленнымъ секретнымъ циркулярамъ департамента полиціи, жандармскому управленію вмѣнялось въ обязанность, отнюдь не чинить препятствій развитію этого движенія, но зорко присматриваться къ культурно-просвѣтительной дѣятельности этихъ обществъ, такъ какъ подъ видомъ этой дѣятельности будто-бы шла революціонная пропаганда. Долженъ сознаться, что эта просвѣтительная дѣятельность, если и проявлялась въ крупныхъ кооперативахъ, то очень слабо и совсѣмъ не планомѣрно, а въ мелкихъ ея и совсѣмъ не было замѣтно изъ за отсутствія хорошихъ и умѣлыхъ руководителей, которые понимали бы особенности духовныхъ потребностей нашего крестьянства. Кромѣ того просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ мѣшало свойственная русскому крестьянству подозрительность ко всякимъ новшествамъ, а среди интеллигенціи постоянныя распри и несогласія.

Для примѣра могу привести слѣдующій случай, разсказанный мнѣ секретнымъ сотрудникомъ.

Въ г. Кинешмѣ при союзѣ кооперативовъ, по иниціативѣ бухгалтера союза Чекулаева организовался еженедѣльный журналъ подъ названіемъ „Наше Слово". По мысли Чекулаева, этотъ журналъ долженъ былъ служить цѣли популяризаціи внѣклассового кооперативнаго движенія и предназначался для распространенія преимущественно среди крестьянскаго населенія.

Инструктора по коопераціи-Савченко, Соколовъ и нѣкоторые другіе обѣщали сотрудничать въ этомъ журналѣ и поддерживать своими статьями указанное направленіе. На самомъ же дѣлѣ вышеупомянутые инструктора въ своихъ статьяхъ пропагандировали рабочее движеніе и только слегка касались вопроса о коопераціи, да и то только въ связи съ рабочимъ движеніемъ. Примѣру ихъ послѣдовали сотрудники изъ г. Иваново-Вознесенска, изъ рабочей кооперативной организаціи „Единеніе-Сила", и въ конечномъ результатѣ журналъ „Наше-Слово", явился чисто рабочимъ журналомъ большевистскаго толка.

Чекулаевъ сколько хватало силъ боролся съ такимъ направленіемъ, но былъ побѣжденъ, уклонился отъ фактическаго участія въ журналѣ и даже рѣшилъ передать издательство кому либо другому.

Съ этого времени журналъ сталъ приходить въ упадокъ, такъ-какъ Савченко, Соколовъ и к⁰ никакими организаторскими способностями не обладали, а популяризировали себя только демагогическими пріемами

Послѣ ухода въ войска вышеупомянутаго Рыбальченко, помощникомъ въ Кинешму былъ назначенъ ротмистръ Архангельскій. Со дня его прибытія полковникъ Семигановскій и я стали убѣждаться въ ненормальности умственныхъ способностей этого офицера. Но такъ какъ еще со времени Рыбальченко фактически всѣми дѣлами вѣдалъ вахмистръ, то особаго измѣненія въ дѣлахъ не замѣчалось. Однажды Семигановскій получилъ извѣстіе частнаго характера, что Архангельскаго избили въ пьяной кампаніи въ кинешемскомъ клубѣ.

Для провѣрки этихъ свѣдѣній я былъ командированъ въ Кинешму, гдѣ узналъ, что Архангельскій почти всѣ вечера проводилъ въ мѣстномъ общественномъ клубѣ, гдѣ послѣ карточной игры, за ужиномъ пьянствовалъ съ мѣстными обывателями. Однажды онъ очутился въ кампаніи съ купцомъ К.. Выпито было основательное количество спирта. Архангельскій началъ поддразнивать К, а тотъ не долго думая, такъ толкнулъ

его въ грудь, что Архангельскій, не крѣпкій на ногахъ и въ трезвомъ видѣ, моментально грохнулся на полъ, да такъ, что и подняться не могъ безъ посторонней помощи.

Семигановскій обо всемъ этомъ донесъ въ штабъ корпуса жандармовъ, настаивая на переводѣ Архангельскаго изъ Кинешмы, гдѣ онъ себя дискредитировалъ своимъ поведеніемъ.

Штабъ корпуса жандармовъ назначилъ офицерскій судъ чести, но таковой не могъ состояться, такъ какъ разразилась февральская революція. Такимъ образомъ, разслѣдованіемъ вышеуказаннаго инциндента закончилась дѣятельность жандармскаго управленія въ г. Костромѣ.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Бр. С. В. и В. В. ЛБОВСКИХЪ

Готовятся къ печати:

I.

„Шлиссельбургская КРѢПОСТЬ“.

(Неизданные документы-подробности смертной казни Каляева, Балмашева и др.)

II.

„Нѣдра Охранки“

и др.

Кострома.
РУСИНА, 21.

Телефоны: 1-37, 3-37, 5-21.

38

ОИК № 55140

Кострома. Типографія Русина, 21.

Печатаніе:

КНИГЪ, ЖУРНАЛОВЪ,
БРОШЮРЪ, СМѢТЪ,
СЧЕТОВЪ, БЛАНОКЪ,
ФАКТУРЪ.
НАКЛАДНЫХЪ,
КОНТОРСКИХЪ
КНИГЪ.

и др. вс возможн. типографскихъ работъ.

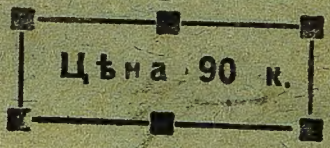
Бр. С. В. и В. В. Лобовскихъ.

Бывшая („Поволжскій Вѣстникъ")

Типографія работаетъ электрической энергіей и снабжена новѣйшими шрифтами, политипажами и орнаментами.

Для пріема заказовъ и личныхъ переговоровъ Контора типографіи открыта съ 9 час утра до 6 час. вечера.

Телефоны: 1-37. 3-37. 5-21.


Цѣна 90 к.